

ДЖОН ДИКСОН
КАРР

Жизнь
сэра Артура
Конан Дойла

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ
ШЕРЛОКОМ
ХОЛМСОМ

Люди и судьбы (ЦП)

Джон Карр

**Жизнь сэра Артура Конан
Дойла. Человек, который
был Шерлоком Холмсом**

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1949

УДК 820
ББК 84(7Coe)

Карр Д. Д.

Жизнь сэра Артура Конан Дойла. Человек, который был Шерлоком Холмсом / Д. Д. Карр — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1949 — (Люди и судьбы (ЦП))

ISBN 978-5-9524-6749-1

Уникальное издание, основанное на достоверном материале, почерпнутом автором из писем, дневников, записных книжек Артура Конан Дойла, а также из подлинных газетных публикаций и архивных документов. Вы узнаете множество малоизвестных фактов о жизни и творчестве писателя, о блестящем расследовании им реальных уголовных дел, а также о его знаменитом персонаже Шерлоке Холмсе, которого Конан Дойл не раз порывался «убить». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 820
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-9524-6749-1

© Карр Д. Д., 1949
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1949

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джон Диксон Карр
Жизнь сэра Артура Конан Дойла
Человек, который был Шерлоком Холмсом

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Предисловие

«На него наводила ужас мысль об уничтожении документов, особенно касающихся тех дел, с которыми он был связан в прошлом, – пишет доктор Ватсон. – Только раз в год или два он собирался с силами, чтобы записать их краткое содержание и привести в порядок... Из-за этого документы накапливались из месяца в месяц, вся комната загромождалась пакетами с рукописями, которые ни в коем случае нельзя было жечь и которыми мог распоряжаться только хозяин».

Доктор Ватсон имел право говорить так о своем собственном создателе. К моменту смерти сэра Артура Конан Дойла в 1930 году в Уиндлшеме по всему дому, не говоря уж о зашторенном красными занавесками кабинете, собралось огромное количество бумаг. Однако к 1946 году все они были обработаны и приведены в порядок. Поскольку большинство материалов никогда не публиковалось, биографу необходимо сделать несколько вступительных замечаний.

Это – история жизни, полной приключений, иногда даже мелодрам. Пускаться вскачь и рисовать все в ярких красках означало бы неверно представить самого этого человека. И, пожалуйста, не надо думать, будто эта книга – вымысел или же биография в форме романа.

Факты – упрямая вещь. События описываются здесь именно так, как они и происходили. Если говорит Конан Дойл, то это – его собственные слова, почерпнутые нами из писем, записных книжек, дневников, подлинных газетных публикаций или из писем, обращенных к нему. Когда описывается обстановка в комнате, приводится сцена во время грозы или когда он царапает заметки на театральной программке, – всему этому есть документальные подтверждения.

В текст включены даты всех важных писем и документов. Когда речь идет о временах отдаленных, переписка является единственно подлинным отражением жизни (всего насчитывается, например, 1500 его писем матери). Мемуары же носят расплывчатый и порой неточный характер. Даже автобиография человека может содержать неточности, когда он оглядывается назад. Но там, в старых бумагах, царят живые эмоции; это именно то, что он чувствовал в то время, когда в жилах быстро бежала кровь. Это – сама правда. Эти письма заботливо сохраняли его мать, брат Иннес, сестра Лотти, дети и прежде всего покойная леди Джин Конан Дойл.

Но мы имеем дело не только с прошлым. Самую большую признательность я должен выразить господину Адриану Конан Дойлу, на протяжении двух лет помогавшему мне в работе, которую без его содействия я не смог бы осуществить; почти в такой же мере это относится к господину Деннису Конан Дойлу и мисс Мэри Конан Дойл.

От всей души я хочу поблагодарить господина Х. Сарджента из Центральной библиотеки Портсмута за протоколы ее заседаний, которые дали нам возможность установить личность доктора Ватсона; моего старого друга господина Ривза Шоу, сменившего Гринхоу Смита на посту редактора журнала «Стрэнд», за письма Гринхоу Смиуту; госпожу Реджинальд Смит, чей муж тесно общался с Конан Дойлом в фирме «Смит, Элдер энд К°»; доктора Кэткарта Брюса и доктора Карнеги Диксона, каждый из которых хорошо знал Джозефа Белла. Благодарю также сэра Хьюма Гордона; подполковника Артура Вудроффа; господина С.В. Хэрна; сотрудника британского посольства в Вашингтоне господина Рональда Р.Б. Бэннермэна; госпожу Барбару С. Виндзор, племянницу майора Артура Гриффитса; господина Дж. Дж. Кьюбитта; господина Дж. Норриса Эванса; господина Бэйсила Готто; господина Лайонела Джайлса; лорда Горелла; а также всех, кто прислал мне письма, любезно предоставив информацию и свои предложения.

Ну и конечно же архивы, в которых хранятся подлинные голоса прошлого. Если Г. Дж. Уэллис выражал удовольствие, король Эдуард VII представлял новый закон или Уильям Дж. Бернс высказывал предположение о существовании заговора – за всем этим мы можем просле-

доть благодаря документам. В основном мы имеем дело с событиями 1869–1919 годов. Мне пришлось лишь отредактировать материалы и систематизировать их.

Джон Диксон Карр

Глава 1

Происхождение

Однажды в летний полдень 1869 года среднего возраста джентльмен сидел за акварелью в маленькой, вычищенной столовой рядом с кухней в доме номер 3 на улице Съенес-Хилл-Плейс в Эдинбурге. Он размышлял о событиях последних двадцати лет.

Это был высокий мужчина с шелковистой, спадающей на жилет бородой, густой шевелюрой, обрамляющей лоб, и манерами слишком скромными и робкими для человека столь незаурядной внешности. Его жена старалась, чтобы он был одет хоть небогато, но прилично. Лишь в его глазах, когда он поглядывал по сторонам и в направлении кухни, можно было заметить выражение юмора и проницательность.

Рисовать было темно. Над Эдинбургом нависла дымка, дул восточный ветер, монотонно моросил мелкий дождь. Но не это явилось причиной, по которой человек в долгополом фраке отложил в сторону кисть, стараясь не запачкать красками дубовую кухонную мебель Мэри. Через приоткрытую дверь в соседнюю комнату он слышал глухие хлопки щетки о каминную решетку, которую чистила его жена. За этими звуками слышались слова, которыми она поучала их десятилетнего сына Артура.

«Рада заметить, мой милый мальчик, что Ходдер намного улучшил твой французский, – говорила Мэри. – Если не возражаешь, сейчас мы обратимся к предмету не меньшей важности».

Итак, Чарльз Элтамонт Дойл оглядывал свою прошлую жизнь.

Он вспомнил себя, когда двадцать лет назад прибыл из Лондона на железнодорожную станцию среди зеленых лугов. Поскольку он был младшим сыном в знатной семье, его перспективы казались неплохими. Его назначили помощником господина Роберта Мэтисона, возглавлявшего ее величества Управление работ, с первоначальным окладом 220 фунтов стерлингов в год. Обратите внимание – первоначальным! Архитектор по профессии, Чарльз Дойл полагал, что обязанности его будут главным образом связаны с архитектурой. Поэтому у него должно оставаться много свободного времени, чтобы уделять внимание занятиям живописью, к которой у него был талант, как это делали братья. В голове роились планы, связанные с божественными, комическими, гротескными сюжетами. Он с интересом осваивал Эдинбург и писал отцу длинные письма с чернильными зарисовками. На него произвел сильное впечатление возведенный на скале серый замок; он восхищался высокими, спускающимися с гор домами Кэнонгейта, «своего рода рая для влюбленных в живописные пейзажи», но его оттолкнул вид дворца Хоулируд, который чем-то напоминал ему то ли тюрьму, то ли сумасшедший дом.

Людям, с которыми он встречался (большей частью благопристойные католики), нравился этот застенчивый молодой человек, а ему нравились они. Но некоторые черты шотландского характера поначалу сильно озадачивали его.

Он никак не мог забыть свой первый новогодний вечер, когда после продолжавшихся до полуночи торжественного чаепития и бесед на религиозные темы весь Эдинбург вдруг настолько невероятно запьянел, что к двум часам на улицах как будто начался шабаш ведьм. Шумные толпы шотландских горцев, появившись неизвестно откуда, плясали в гостиную госпожи Макдональдс. Испытывая нехорошие предчувствия, Чарльз вызвался проводить до дому двух юных особ.

«Дорогой сэр, – сказал его друг господин Маккарти, вынимая из кармана кастет, – возьмите это. У меня есть еще один для себя».

«Вы думаете, придется драться?»

«Конечно, дорогой сэр. Размозжим башку каждому, кто попытается напасть на нас; и я не сомневаюсь, что мы благополучно проводим девчат».

А потом, в августе 1850 года, произошло великое событие, всколыхнувшее весь его патристический пыл. Да, действительно, большая часть утомительной работы, из месяца в месяц состоявшей из вникания в пустяковые детали, ложилась на его плечи. В восемнадцать лет он был слишком восторжен, чтобы замечать это. Королева и принц Альберт с детьми собирались нанести визит в Эдинбург.

С крыши дворца Хоулируд, куда он поспешил, чтобы стать свидетелем подъема флага, Чарльз Дойл видел пары подхлывшего к станции поезда. Гонцы в ярко-красном проскакали вперед, чтобы очистить путь. Огромная толпа на холме, размахивая белыми платками, орала приветствия приближающемуся паровозу. Когда королевские экипажи с шумом въехали на территорию дворца вслед за холеными лошадьми, Чарльз подумал, что молодая королева Виктория «не очень хорошо выглядит, и лицо красное». Однако она легко и без посторонней помощи выпрыгнула из экипажа. А эхо от пушечного салюта все еще доносилось со скалы, на которой стоял замок.

Тем не менее в те давние времена Чарльз Дойл никак не мог избавиться от приступов тоски по дому. Он скучал по отцу, по трем братьям и сестре Аннетт. Каждое письмо от брата Ричарда – Дика Дойла, ведущего художника журнала «Панч», – нагоняло чувство одиночества.

«Как же ты живешь среди этих шотлашек?» – спрашивал он. Дик, будучи истинно светским человеком, нарочно притворялся, будто верит в то, что все шотландцы спустились с гор и продолжают заниматься людоедством в пещерах.

«Я полагаю, – писал Дик, – ты слышал от господина Уильямса о компании «Смит энд Элдер», которая пригласила меня на обед, чтобы познакомить с автором «Джен Эйр». Это маленькая, изящная, умная женщина лет тридцати, которую звать мисс Бронте, дочь священника из графства Йоркшир. Туда же был приглашен Теккерей».

И далее в том же письме:

«Кажется, уже после твоего отъезда в Шотландию Эванс пригласил меня на обед в Благотворительное общество продавцов газет. Там председательствовал Чарльз Диккенс, который выступил с замечательной речью, присутствовали Лак, Физ, Лемон, Ли и др. Эта компания и господин Питер Каннингэм отправились потом вместе с Диккенсом в таверну «Радуга» на Флит-стрит и допоздна поднимала там тосты под херес и анчоусы».

Вот они, краски и сияние большого света! Однако у Чарльза такие письма еще живее вызвали в памяти образ его отца Джона Дойла.

Джон Дойл, король политических карикатуристов, восседал среди отполированных дубовых панелей и серебряных ваз в доме номер 17 на Кембридж-Террас, Гайд-парк. Он был так похож на старого герцога Веллингтонского, что, как только появлялся в парке на лошадях, его начинали приветствовать. «Лорд Джон» или «Генерал-губернатор» – звали его сыновья, однако чаще всего за глаза.

Этот Джон Дойл, происходивший из ирландских католических мелкопоместных дворян-землевладельцев, приехал в Англию из поместья, которое разоряли принимавшиеся на протяжении жизни поколений законы, направленные против католиков. Его семья была старого норманнского происхождения и получила вотчину в Ирландии в первой половине XIV века. Он был художником. Когда Джон прибыл в Англию, все его имущество состояло из трех ценностей: картины Ван Дейка, которую не хотел продавать, нескольких приборов фамильного серебра XVII века, ступки и пестика для приготовления домашних лекарств. Мир сильно изменился с тех пор, когда эти нелепые предметы могли украсить пустую комнату. Он покорила Лондон своими острыми карикатурами, которые он подписывал псевдонимом Н. В. Это были насмешливые и тонкие рисунки, тогда как другие карикатуристы довольствовались изображением общественных деятелей надутыми шутами, скатывающимися с лестницы. Рисовать своих

политических оппонентов таким образом Джону Дойлу никогда бы не пришло в голову, точно так же, как он не мог себе представить, что он хватает одного из своих гостей (скажем, покойного Вальтера Скотта) и спускает его с лестницы после спора за обедом.

Его жена, Марианна Конан, умерла. Своих четырех высокорослых сыновей – Джеймса, Ричарда, Генри и Чарльза – он научил держать кисть и карандаш и воспитал их благочестивыми католиками.

Посторонние иногда удивлялись, что столь тонкое художественное чутье, такая сатирическая улыбка могли скрываться у Джона Дойла за величественной манерой держаться. В его работах были некоторые причудливые черты, которые потом столь эффективно раскрылись в акварелях его сына Чарльза.

Но тоска по дому оставила Чарльза в Эдинбурге. В 1855 году Чарльз Дойл женился на мисс Мэри Фоли.

Невесте было всего семнадцать лет. Младшая дочь овдовевшей ирландки-католички, в доме которой почти с самого начала арендовал жилье Чарльз, Мэри в возрасте двенадцати лет была отправлена учиться во французскую школу. Вернувшись уже взрослой, она привлекла его внимание. «Дерзкая девчонка» – называл он ее за жизнерадостный и веселый характер. Невысокая, сероглазая, с мягкими, разделенными пробором волосами, которые спадали за уши, она в каждом своем жесте была полна ирландского очарования. Добрые шотландские матроны были удивлены, узнав, что девушка хорошо знала французский, а хобби ее – геральдика. Несколько необычным было ее хорошенькое лицо, но оно отражало глубинные пружины ее натуры: неистовая гордость за свое происхождение, жизнь в бедности, которая вызывала порой отчаянные слезы.

«Я признаю, что семейство Дойлов, – говорила она, вытягиваясь в полный рост в пять футов и один дюйм, – это джентльмены старинного происхождения. Но мы, с другой стороны, приходим от феодального дворянства».

И далее:

«Пожалуйста, заметьте, что имя моей матери при рождении было Кэтрин Пэк. Ее дядей был генерал-майор сэр Деннис Пэк, который командовал бригадой Пэка в битве при Ватерлоо. И, как все знают или должны знать, в семнадцатом веке семья Пэк была соединена брачным союзом с Мэри Перси Баллентемпльской, наследницей ирландской ветви семьи Перси из Норт-хамберленда».

«В том деревянном ящике – и не перебивайте меня! – хранятся документы о нашем происхождении, поколение за поколением, шесть сотен лет. От женитьбы барона Генри Перси на Элеаноре, племяннице короля Генри III».

Родословная, однако, мало помогала молодой семейной паре, которая жила на оклад Чарльза в 220 фунтов стерлингов в год. Бедность затягивала петлю на растущей семье. После рождения первого ребенка, девочки («Мэри приходит в ужасную ярость, когда говоришь, что ее младенец точно такой же, как и все другие дети»), в следующие годы родились еще две девочки и мальчик.

Хотя он напряженно трудился в Управлении работ, занимая должности клерка, архитектора, строителя, молодому мужу никак не удавалось много подработать своими рисунками. Чарльз Дойл скорее раздал бы свои рисунки, чем наносить своим друзьям невыносимое оскорбление, пытаясь с их помощью продать их. Если лондонский редактор месяцами тянул с оплатой принятого и использованного скетча, Чарльз предпочитал обо всем забыть и не требовать оплаты долга.

Он старался относиться ко всему этому с юмором. Но когда встал вопрос о получении им правительственного поста в Лондоне, Чарльз излил все свои чувства в письме своей сестре Аннетт.

«К моему величайшему ужасу, – писал он, – меня осаждают снобы из лондонского офиса, которые определенно ничего не поймут и, может быть, даже будут смеяться надо всей теорией строительства и над техническими терминами, используемыми здешними строителями, и для которых кирпич представляет собой неизвестную величину. Главное счетное управление просто не для меня. Но если нынешняя вакансия каким-то образом связана с композицией, письменной или архитектурной работой, при которой я был бы предоставлен самому себе и старался бы изо всех сил без постороннего вмешательства, я бы без колебаний согласился на эту должность».

Чтобы заработать деньги, раздраженно добавлял Чарльз, он вынашивает пока смутную идею уехать копать золото в Австралию. Однако это было отступлением от реальности; он никогда не уезжал из Эдинбурга.

Но хуже всего было тогда, когда лондонские друзья, брат Дик в костюме из тонкого сукна и в накрахмаленной рубашке или благожелательный и седовласый господин Теккерей навещали их, чтобы посмотреть, как они живут. Тогда надо было притворяться, будто никто (прежде всего они сами) не замечает ветхого дома или прогнутого дивана. Чарльзу было жалко Мэри, которая, подавая обед, проглатывала унижение. Но может быть, это беспокоило ее меньше, чем его. Потому что она не только была дочерью Кэтрин Пэк, но и воинственной ирландкой, для которой «будьте вы все прокляты!» и которая ни в грош не ставит чье-либо мнение.

Чарльз тревожился за ее здоровье. Иногда кажется, жаловался он, что ее может сдуть порывом ветра. Тем не менее она справилась со сменой нескольких небольших домов, в которые они переезжали, – на Нельсон-стрит, Пикарди-Плейс, Съеннес-Хилл-Плейс, Либертон-Бэнк и опять на Съеннес-Хилл-Плейс – и родила еще двоих детей. Ничто, казалось, не беспокоило ее после того, как 22 мая 1859 года в доме на Пикарди-Плейс у них родился сын Артур (кумир ее сердца).

Итак, через десять лет после рождения сына и через двадцать лет после того, как он приехал в Эдинбург, Чарльз Элтамонт Дойл, сидя в маленькой убранной комнатке рядом с кухней на Съеннес-Хилл-Плейс, отложил в сторону кисти. Голоса жены и сына стали громче, и он слышал их лучше, несмотря на шум дождя.

Хотя дверь в кухню была полуоткрыта, он мог представить себе Мэри, держащую в одной руке каминную щетку, а в другой – перчатку с тлеющими углями, и мальчика, сидящего на краю стола и болтающего ногами, одетыми в гольфы. Щетка и перчатка были быстро отложены в сторону, а Мэри достала из шкафа большие листы картона, здорово разрисованные и раскрашенные в Лондоне братом Джеймсом.

Мэри:

«Опиши мне герб, который изображен на этом листе».

Мальчик ответил моментально и без запинки, как отвечают, когда хорошо знают таблицу умножения.

«В серебре, – сказал он, – пояс, украшенный зубцами лазурного цвета, между двух голов в чернеди».

«И чей же это герб?»

«Нидхэм, Мадам».

«О! Молодец! Теперь опиши вот этот герб».

«В красном, – уверенно начал мальчик, – шеврон, находящийся в окружении орнаментов пятилистника». Тут он запнулся, но потом быстро и уверенно продолжил: «Десять пятилистников, четыре и два – в главном серебряном цвете».

«Так. А это чей герб?»

«Барклэй, Мадам».

«Теперь вот этот. И, пожалуйста, подумай, прежде чем говорить».

«В золотом, – уверенно заявил мальчуган, – на красном поясе пятиконечная звезда между... между...»

Наступило тягостное молчание.

«Артур! А на этом щите тоже! Что ты говоришь?»

«Нет, это не пятиконечная звезда. У нее шесть концов; это звезда лучами!» Послышался шум, как будто кто-то в возбуждении танцевал на каменном полу.

«Пожалуйста, Мадам, можно я поправлюсь? В золотом на красном поясе звезда лучами между двумя лазурными полумесяцами».

«Вот так лучше. И чей же это герб?»

«Томаса Скотта из Нэрли, Мадам».

«Томас Скотт из Нэрли. Это твой двоюродный дедушка, мой мальчик. Никогда об этом не забывай».

Этот герб напоминал о пограничных налетах, и не только о них. Шотландцы Нэрли, в графстве Килкенни, были кадетским отрядом шотландцев Хардена, которые отправились в Ирландию в XVII веке. Они были родственниками сэра Вальтера Скотта. Чарльз Дойл представлял, как сердце мальчика переполнялось гордостью, когда Мэри рассказывала ему об этом. Из находившейся наверху колыбели раздался пронзительный крик их младшей дочери Кэролайн, которую звали просто Лотти. Аннетт, которой было уже почти четырнадцать лет, поспешила ей на помощь, а маленькая Констанца потопала за ней.

Что касается Артура, то Чарльз так писал в письме Дику всего несколько месяцев назад: «Мне кажется, Мэри уделяет ему достаточно внимания». И это было действительно так. Она обожала мальчика, а он обожал ее. И если она не скребла полы, не торговалась с мясником и не мешала кашу, одновременно держа в другой руке и читая «Ревю де Дё Монд», эта маленькая леди – и молодая, и слишком моложаво выглядевшая для того, чтобы носить белую шапочку матроны, – бесконечно рассказывала ему о его славной родословной, возвращаясь вплоть до Плантагенетов. Для мальчика, слушавшего с широко открытыми глазами, фигура Эдуарда III при Креси, должно быть, путалась с сэром Деннисом Пэком, командовавшим бригадой дивизии Пиктона в сражении при Ватерлоо, или с адмиралом Фоли в битве на Ниле.

У нее были свои убеждения и в том, что касается поведения, так что она втолковывала ему их, даже когда готовила кашу: «Бесстрашие – удел сильных, а смирение – слабых», «Рыцарство в отношении всех женщин». Расписанные золотом, как знамена, имена великих висели в маленькой комнате, а в воображении обоих повсюду были рыцари.

Когда-то Чарльз Дойл лелеял надежду сделать из своего сына удачливого бизнесмена, который хорошо владеет арифметикой: это как раз то, чего не хватало ему самому. Но эта надежда выглядела сейчас едва ли осуществимой, ибо мальчик не проявлял склонностей к арифметике. Среди писателей его раннее восхищение капитаном Майн Ридом с его буффало и индейцами сменилось увлечением сэром Вальтером Скоттом, хотя, кажется, единственная книга, которую Артур читал и перечитывал, была «Айвенго». В нем также проснулся аппетит анаконды и неутолимая жажда драться, что озадачивало его отца и доставляло удовольствие матери, когда перепачканный грязью победитель с самодовольным видом возвращался домой.

Такие склонности вызвали бы одобрение и старого Майкла Конана. Они называли мальчика Артуром Конан Дойлом в честь двоюродного деда, который был острым критиком-искусствоведом и редактором журнала «Арт джорнэл», а сейчас жил в Париже на авеню Ваграм.

«Чарльз, мы не должны забывать о дворянском происхождении твоей семьи», – говорила Мэри. При этом она сердито топала ногой.

«Почему ты улыбаешься, Чарльз? Разве это не правда?»

«Нет, нет, дорогая. Я улыбаюсь просто потому, что ты такая ярая защитница генеалогии».

«А почему бы нет, скажи на милость? На мне лежит такая обязанность. И на тебе тоже. В конце концов, Конаны – наследники герцогской династии Бретани».

Двоюродный дедушка Майкл Конан, который послал мальчику свою первую иллюстрированную книгу о королях и королевах Франции, был немало позабавлен литературной композицией, выполненной господином Артуром в пятилетнем возрасте. Композиция состояла из мечей, ружей и пистолетов, с которыми бенгальского тигра бесстрашно преследовали и загоняли в пещеру. Дедушка Конан тоже высказал определенные взгляды в отношении образования парня. «Убеди его, – грохотал он, – в необходимости решить этот большой вопрос с арифметикой. Убеди его в нужности умножения, деления, правила трех и заставь практически заниматься географией. Скоро я познакомлю его с географическими картами».

Для будущего образования дедушка Конан советовал избрать Иезуитскую школу.

Итак, молодой Артур, выглядевший в том 1869 году далеко не ангельски, прибыл домой на первые летние каникулы из Ходдер-Хаус, подготовительной школы к великолепному иезуитскому колледжу в Стоунхерсте. Еще год-два – и он поступит в сам Стоунхерст. Слава Богу, его отец вознес страстную молитву и тем самым сохранил свое влияние. Мэри с ее состраданием и упрямством, как он иногда подозревал, не была истинной католичкой.

Что касается самого себя, то, как признавал теперь Чарльз, после его последнего обращения к Дику, который был бессилен, он не получит никакого повышения. Он останется человеком, который может работать на чьи угодно интересы, за исключением своих собственных.

За двадцать лет его оклад в Управлении работ вырос с 220 фунтов стерлингов до королевской суммы в 250 фунтов. Правда, иногда его рисунки приносили ему еще до сотни в год. Он спроектировал фонтан во дворце Хоулируд и великолепный оконный переплет для собора в Глазго. Но где же были теперь все его прекрасные мечты?

Его отец Джон Дойл умер в январе прошлого года. Чарльз испытывал ужасные опасения, что поездка в Эдинбург, тем более в отвратительную погоду, могла ускорить конец «Лорда Джона». Джеймс заверил его, что все эти опасения – ерунда, но так или иначе они оставались. Он не сомневался, что дом на Кембридж-Террас, где многое напоминало о танцах и уроках фехтования под резным потолком, останется таким же, как и был. Дик после долгой-преддлгой ссоры с журналом «Панч» стал штатным художником-иллюстратором. Джеймс издавал газету «Кроникл оф Ингленд» и сам ее иллюстрировал. Генри, близкий друг кардинала Вайзмана, в этом году был назначен директором Национальной галереи Ирландии.

Добрые, любящие ребята! «Генерал-губернатор» гордился бы ими!

Чарльз Дойл все больше и больше уходил в себя. Он полюбил рыбалку, потому что она отвлекала его от этого суетного мира. Для семьи он становился странным долгобородым чудачком с утонченными манерами, непричесанным аристократом. Каждый день он проходил долгий путь от дома до работы во дворце Хоулируд и обратно, рассеянно поглаживал детей по голове, примерно так же, как гладил кошек. В рисовании его воображение переключалось с комических и таинственных сюжетов на гротескные и даже ужасные. Сейчас на мольберте перед ним была одна из таких почти законченных акварелей. В мрачных синих и белых красках она изображала ужасных тощих чудовищ с вращающимися глазами, которые, размахивая руками, прыжками гнались по погосту за насмерть перепуганным ребенком, только что добравшимся до кельтского креста.

Темные силы и избавление от них, сдутые листья перед лицом дьявола. Он хотел назвать эту картину «Спасительный крест». В его голове роились и другие подобные образы, выполненные в бледных оттенках кривыми линиями. Может быть, не следовало возиться с этой работой, которая не будет пользоваться спросом, в то время как у бедной суетливой Мэри было столько дел, но вся работа в мире сейчас казалась ему почти бесполезной.

А кроме того, было гораздо приятнее отправиться на рыбалку.

Глава 2

Учеба

В Стоунхерсте, графство Ланкашир, Артур Конан Дойл с чувством собственного достоинства уселся писать письмо матери.

Ему было пятнадцать лет, он учился во втором высшем классе Стоунхерста и так быстро рос и раздавался в ширину, что это вызывало не только беспокойство, но и сильную тревогу мистера Келлетта, опасавшегося, как бы не лопнула его одежда.

Сам Артур ни о чем не беспокоился. Его не интересовали портновские дела, за исключением того, что он выклянчивал у матери прислать ему хороший новый галстук, а одежда для крикета не имеет значения, пока подходит и его старая. У него было широкое, но худощавое лицо, волосы намажены кремом, который ему давала Мадам, и он собирался написать достойное письмо. «Надеюсь, – писал он, – вы всем довольны и у вас такая же хорошая погода, как у нас. В понедельник на Масленной неделе у нас состоялся матч, и мы одержали великолепную победу. Они набрали 111 очков, а мы 276, и я внес свой вклад в 51. Когда я буду жить в Эдинбурге, мне бы хотелось вступить там в какой-нибудь крикет-клуб. Это замечательная игра, она больше помогает человеку стать здоровее и сильнее, чем все доктора в мире. Думаю, что я бы мог занять место в числе одиннадцати в любой команде Эдинбурга.

Я теперь становлюсь очень богатым благодаря щедрости папы и бабушки. Поблагодари их от меня. Поскольку у меня сейчас такой достаток, может быть, ты могла бы прислать мне два шиллинга до 18 июня».

Здесь он остановился и задумался над своим последним предложением. Оно было не совсем верно; духовные отцы иезуитства назвали бы это нелогичным выводом.

«Потому что в этот день, – поспешил он объяснить, – мы едем в Престон, чтобы посмотреть колоссальный матч по крикету, который там состоится, и боюсь, нам придется обедать за свой счет. Не помню, писал ли я тебе в последнем письме о моих успехах в занятиях, но в этом семестре я на втором месте и по всем предметам учился лучше, чем в прошлом семестре».

В целом годы, проведенные им в Ходдер-Хаус и Стоунхерсте, были счастливыми. Он просыпался каждое утро в шесть часов под назойливый грохот шагов полицейского по обществу. Он привык к отсутствию отопления в классах, когда декабрьский ветер свистел сквозь щели, которые, как мрачно намекали, были нарочно сделаны в стенах, чтобы создать дискомфорт для мальчиков.

В Стоунхерсте, под двумя башнями-близнецами, возвышавшимися на местности, намного удаленной от какого-либо города или железнодорожной станции, духовные отцы поддерживали железную дисциплину. Достижения в учебе вознаграждались «хорошими» завтраками или ужинами в холле с мраморным полом и галереей для музыкантов. От наказаний тяжелой резиновой дубинкой, которая называлась толли, кисти рук чернели и распухали чуть ли не до двойного размера. В письмах родным Артур ни разу не заикнулся о наказании; стиснув зубы, он держал это про себя.

Но с удовольствием он писал о спорте – плавании, крикете, футболе, хоккее, катании на коньках, – и ему всегда приходилось извиняться за свой почерк, который мать резко критиковала.

Один из его одноклассников, испанский мальчик, который стал маркизом Виллавиехи, рассказывал о его крайней неопрятности и наблюдательности. Он объяснял, что почерк был плохим только потому, что кто-то нечаянно наступил ему на руку шипованным башмаком, или был поврежден ноготь во время игры в хоккей, или же он угодил в лечебницу с «небольшим растяжением» после того, как упал в гимнастическом зале.

Были и примечательные события, как, например, День отца ректора.

Когда однажды с наступлением темноты мальчики вышли во двор с коньками, они увидели, что лед на пруду сиял от китайских фонарей, снег искрился от факелов, красных и синих огней, а оркестр играл «Да здравствует Британия». Катание началось после того, как мальчикам раздали сигары и спички; с берега учителя швыряли во всю эту вопящую суматоху петарды и хлопушки; все это великолепно завершилось тем, что каждый выпил по бокалу горячего пунша за здоровье отца ректора.

Лучше всего были рождественские каникулы, хотя немногие из мальчиков могли поехать домой. За время рождественских праздников Артур и трое его друзей поглотили:

«Двух индюшек, одного очень большого гуся, двух цыплят, один большой кусок ветчины и два поменьше, два больших батона колбасы, семь банок сардин, одну омаров, блюдо пирожных и семь банок варенья; если говорить о выпивке, то у нас было пять бутылок хереса, пять портвейна, одна красного сухого и две малинового; мы также съели две банки солений».

Все это, в сочетании с сигарами, свидетельствует о том, что духовные отцы были людьми с достаточно широким мышлением. Во время празднования того же Рождества состоялись замечательные концерты и любительские театральные представления. Вечерами они подряд посмотрели комедию в пяти действиях «Дорога к краху», а также «Курьер Лиона» и «Нападение на почту», мелодраму и пьесу ужасов (пять убийств).

Такие удовольствия, правда, были припасены только для праздников. Платить за них приходилось пасмурными днями с мелким ланкаширским дождем и нудными уроками пения. Неопрятного мальчика волновала, раздражала и злила невыносимая сухость уроков, в дополнение к тому, что он испытывал хронические денежные затруднения и пережил несчастье, когда дядюшка Дик послал ему пять шиллингов, а он получил всего три с мелочью.

Даже история, которая, казалось бы, должна была приводить его в восторг, превращалась в тяжкую зубрежку. Это была совсем не та история, которую рассказывала ему мать или которая описывалась в романах великого сэра Вальтера. (Он потерял «Айвенго», который упал в ручей, но другие были восхитительны, хотя порой их и было трудно понимать.) Эта школьная история была как сухой порошок во рту; все даты да места и никаких людей. Она занимала воображение не больше, чем ненавистная формула $x + 2xy + y$.

Потом наступил памятный день в 1873 году, когда дедушка Майкл Конан прислал ему из Парижа небольшую книжку в позолоченном переплете. Ее написал некий лорд Маколей, и она называлась «Баллады Древнего Рима». Он открыл ее, и засияло солнце.

Ларс Порсена Клаузимский
Девятью богами клялся,
Что великий дом Тарквиния
Не претерпит больше бедствий,
Девятью богами клялся
И назначил день для встречи...

Он был приведен в трепет этими звенящими строками, калейдоскопом нарисованных словами солнечно-ясных картин, а его сердце наполнилось радостью за тех троих, которые держали мост. Еще одно стихотворение поразило его.

Что лучше для мужчины,
Чем смерть от рук врагов
За отчие могилы,
Святилища богов?

В простых словах одного из древних римлян было что-то такое, чего он искал. Это так соответствовало духу тех уроков, которые давала ему в Эдинбурге мать задолго до того, как он стал юношей.

Представьте себе, что, как это бывало в Эдинбурге, вы видите бедную пожилую женщину с базарной корзинкой, над которой насмехается и сталкивает ее в канаву нескладный мальчишка – сын сапожника. Здесь вопрос не стоит о том, чтобы драться во имя драки. Вопрос стоит так: что бы сделал Айвенго? Что бы сделал Эдуард III?

Ну, ясно, что Эдуард III вызвал бы на рыцарский поединок. Но поскольку такие вещи в современном Эдинбурге устроить трудно, Эдуард III вмешался бы и проучил этого мальчишку. А если бы Артур проиграл такую схватку из-за того, что его треснули по башке суконным мешком с тяжелым сапогом внутри, это ни в коей мере не умалило бы его благородства.

И вот перед ним этот потрясающий Маколей. В поисках других книг этого же автора он нашел «Опыты», которые, по сути, были небольшими историческими рассказами, и незаконченную «Историю Англии». Это было еще большим откровением; история, в которую вдохнули жизнь. Это была романтика и в то же время – то были факты. Строчка за строчкой «Опытов» вызывали в нем смутное, но приятное волнение, которое он не мог понять. Короткие, резкие, ясные предложения. За ними следовали длинные фразы, пронизанные блестящей риторикой и увенчанные хлесткой концовкой. Был ли когда-либо раньше такой писатель?

В таком настроении он находился, когда на Рождество 1874 года с ним произошло самое большое приключение за все его школьные дни. Тетушка Аннетт, сестра отца, пригласила его провести три недели в Лондоне, где дядюшки покажут ему все достопримечательности.

У него руки тряслись от волнения, когда он писал тетушке Аннетт и дядюшке Дику о последних приготовлениях. Было четырнадцать градусов ниже нуля, сообщал он, но никакие обледенелые дороги не помешают ему добраться со своим сундуком до ближайшей железнодорожной станции. Единственное, чего он боялся, так это того, что теперь его могли не узнать при встрече.

«Мне трудно описать себя, – продолжал этот пятнадцатилетний парень, – но мой рост, я полагаю, 5 футов и 9 дюймов, довольно плотный, одет в темное и, главное, у меня на шее ярко-красный шарф».

Закутанный в пледы попутчиков, он прибыл на вокзал Юстон после трех аварий на ланкаширской железной дороге. Тетушка Аннетт, полная достоинства дама среднего возраста, легко узнала красный шарф. Он будет жить в комнате у дядюшки Дика на улице Финборо-роуд, где тетушка Аннетт содержала дом для дяди Дика на время, пока их дом на Кембридж-Террас ремонтировался. При свете и в тепле комнаты с разрисованными эльфами бордюрами стен Артур пил чай с тетушкой Аннетт, когда вбежал дядя Дик: теперь уже здорово полысевший, но, как всегда, приветливый и со свободными карманными деньгами.

Три недели, проведенные в Лондоне, оставили у Артура глубокие впечатления. Два раза он ходил в театр с дядей Джеймсом, импозантным мужчиной, заросшим по самые скулы бородой. Оба раза они сидели в ложе. В первый раз ходили в театр «Лицеум» и смотрели Генри Ирвинга в «Гамлете».

«Эта пьеса, – писал Артур матери, – шла целых три месяца, но каждый вечер зал был до отказа заполнен теми, кто хотел видеть игру Ирвинга. Ирвинг очень молодой и стройный, с черными пронизательными глазами, играет потрясающе».

Колонны над «Лицеумом» в туманном свете газовых фонарей, черные такси и экипажи, брызги дождя, падающие на слой полузамерзшей грязи, – все это создавало фон для огромных толп людей. «Лицеум» был получше по сравнению с их походом в театр «Хеймаркет», может быть, потому, что Артур раньше видел в Эдинбурге одну из постановок «Хеймаркета». Но ему это показалось очень смешной комедией и тоже понравилось. В незаурядной роли лорда Драндери выступил господин Сазерн, а Бакстоун играла пронизательную и милую американку Азу

Тренчард. Это была пьеса Тома Тейлора «Наш американский кузен». Артур не знал, при каких страшных обстоятельствах эта же самая комедия шла меньше десяти лет назад в театре Форда в Вашингтоне, когда в своей ложе был убит президент Линкольн.

Ему предстояло исследовать очень многое. Прежде всего он отправился в Вестминстерское аббатство по причине, которую отказался объяснить. Он посетил такие достопримечательные места, как собор Святого Павла и крепость Тауэр, где с удивлением рассматривал «67 000 ружей Мартини-Генри и огромное количество шпак и штыков (О, могущество и сила Британской империи! – Д. К.), а также дыбы, тиски для пальцев и другие орудия пыток».

Тетушка Джейн, жена дяди Генри, нравилась ему даже больше, чем тетушка Аннетт. Дядя Генри водил его в выставочный комплекс «Кристал-Пэлэс», дядя Дик – в цирк Хенглера. С приятелем из Стоунхерста они ходили в зоопарк и видели, как тюлени целовали зрителя. Особый восторг, писал он матери, вызвало посещение Музея восковых фигур мадам Тюссо.

«Мне понравилась, – сообщал он, – комната ужасов и фигуры убийц».

Интересно заметить, что Музей мадам Тюссо в то время и на протяжении десяти лет после этого находился на улице Бейкер-стрит.

Когда Артур вернулся в Стоунхерст и впереди маячили вступительные экзамены в вуз, он согревал себя одним секретом. Его главное честолюбивое желание, которое он связывал с поездкой в Лондон, было выполнено. И никто об этом не знал, ни одна душа. Хотя сердце его было преисполнено чувства благодарности к своим по-королевски гостеприимным теткам и дядьям, он бы скорее умер, чем сказал им об этом. Это показалось бы глупостью и ребячеством; этого не поняла бы даже Мадам. Но теперь он осуществил свою мечту. Она состояла в том, чтобы посетить Вестминстерское аббатство и постоять у надгробного камня Маколея.

Потом его настроение переменилось. Его стали мучить угрызения совести, потому что, пока он развлекался в Лондоне, его мать сэкономила каждые полпенса и обходилась дома без самого необходимого. В 1873 году у нее родился еще один малыш, Иннес, о котором надо было заботиться. Считая это делом деликатным, Артур отправил ей поздравительное письмо на французском языке.

В тот последний год своего пребывания в Стоунхерсте ему меньше всего хотелось работать, пока его не начала настойчиво преследовать мысль о необходимости сдавать вступительные экзамены. Это была трудная задача: английский язык, английская история, французский, латинская и греческая грамматика, книга Гомера, «О заговоре Катилины» Саллюстия, естественная философия, химия, любой французский автор, алгебра, арифметика, Евклид. Если выдержишь эти экзамены, тебя автоматически отправляют сдавать вступительные в Лондонский университет. Но если провалишься хотя бы по одному предмету, значит, ты провалил все.

Эта стена начинала казаться все более непреодолимой по мере того, как весна 1875 года приближалась к лету. «Думаю, если бы я поехал на экзамены в Лондон, я бы достаточно легко сдал их, – писал он. – Страшнее всего эти ужасные испытания здесь».

Несомненно, то, чего он боялся, – это мошенничества со стороны преподавателей. Когда в прошлом году он проявил значительный талант к писанию стихов, а в этом году редактировал школьный журнал, ему показалось, что духовные отцы были изумлены тем, что у него вообще есть какие-то таланты. Дело в том, думал он, что они его не уважают и не любят.

Но здесь он ошибался, как видно из переписки между отцами-иезуитами и его матерью. Им было известно ужасное упрямство мальчика. Самые меньшие подозрения могло вызвать то, что его запугивают и он намеренно нарушал правила, чтобы заслужить самое суровое наказание и показать, что после этого по-прежнему может смотреть им в глаза. Но он нравился учителям, которые глубоко уважали его способности. В самом деле, они уже определили его в немецкий класс герра Баумгартена со специальной платой за обучение, так как это был класс повышенного уровня, созданный в рамках задуманного ими проекта.

В дождливые дни перед экзаменами, когда редко можно было выйти на улицу, Артур находил утешение в общении с Маколеем. Его воображение разжигали образы старых круглоголовых пуритан XVII века, которые отбрасывали свои камзолы и шлемы во имя искусства мира. Маколей почти примирил его с Оливером Кромвелем, этим мерзавцем, который отрубил голову королю. Отрубить королю голову – это зверство. И навсегда оно таковым и останется.

Но каким лидером должен был казаться этот широкоскулый Кромвель англичанину того времени! Он командовал непобедимой армией; он разметал врагов на морях, часто даже тогда, когда корабли под командованием адмирала Блейка значительно уступали вражеским по численности; он защищал людей своей веры даже в католических странах. «Потому что голос, который редко угрожал понапрасну, провозгласил, что если милость не будет проявлена в отношении людей Бога, английские орудия будут слышны в замке Святого Анжело».

Грохот таких угроз, размышлял Артур, не доставил бы большого удовольствия Папе Римскому. Действительно, становилось все более ясно, что Маколей (хотя, конечно, всегда в подлинно джентльменской манере) не находил много пользы от папы. Артура, как истинного католика, это должно было беспокоить.

Свои религиозные убеждения и обязанности, которые они на него накладывали, Артур никогда не подвергал сомнению. Это была вера его предков, о которой не стоит даже думать, не то что подвергать сомнению, как священную таблицу умножения. Более того, ее красота и величие привлекали и были частью его жизни. Лишь однажды он был поражен; это случилось, когда один ирландский священник публично прогремел, что каждый, кто не был католиком, должен непременно сойти в ад.

Такое утверждение потрясло его. Он никогда не думал об этом раньше, однако был уверен, что это какая-то ошибка. Но очевидно, это было не так, по крайней мере для иезуитов. Ему не давала покоя мысль о том, что люди, о которых он читал, – ученые, солдаты, государственные мужи, – в муках будут корчиться, в пламени. Он был одновременно утешен и обеспокоен, узнав о том, что его умная, романтическая мать считает подобные высказывания священников вздором.

«Носи теплое белье, мой милый мальчик, – написала она, – и никогда не верь в вечные муки ада».

Тем временем пришла пора вызывавших столько страхов экзаменов, и он их выдержал. Потом, дрожа от нетерпения, он и еще тринадцать мальчиков ожидали результатов экзаменов. Пакет с результатами прибыл из Лондона в жаркий июльский день и был доставлен в кабинет ректора. Четверть часа прошло в тишине, ребята грызли ногти и ждали новостей. Потом они уже не могли больше терпеть. Вот как Артур описывает то, что произошло:

«Распахнув дверь комнаты отдыха, мы, несмотря на крики префектов, рванули по галерее, вверх по лестнице, потом по коридору к кабинету ректора. Нас было человек сорок или пятьдесят. Кандидатами были не все, но ко многим приехали братья и другие родственники. Толкаясь и вопя, мы столпились у двери. Дверь открылась, и внутри кабинета мы увидели ректора, который размахивал пакетом над головой».

Страсти кипели, выражая все, что мы сами чувствуем в подобные времена; все, включая директора школы, кажется, были сверхэмоциональны в том 1875 году.

«Сразу же по галерее разнеслись оглушительные возгласы, в воздух взлетели десятки носовых платков, потому что мы знали, что новости должны быть хорошими. Когда шум немного стих, старый седовласый префект класса взобрался на стул и объявил, что из четырнадцати учеников, которые экзаменовались, тринадцать выдержали испытания; это самое большое число с тех пор, как Стоунхерст стал Стоунхерстом».

Единственным провалившимся был не Артур Конан Дойл. Наоборот, Артур не только сдал, но и был удостоен отличия. Он был изумлен больше, чем кто-либо другой. Через несколько дней к нему подошел отец Пэрбрик.

«Как бы ты отнесся к тому, чтобы остаться с нами еще на год?» – спросил он.

«Что, сэр?»

«О нет, не здесь! Не хотел бы ты поехать за границу? Есть отличная школа в Фельдкирхе, в Западной Австрии, недалеко от Швейцарии».

«За границу, сэр? Да, сэр! А для чего, сэр?»

«Видишь ли, ты еще слишком молод для философии. Год в Фельдкирхе придаст завершенность твоим академическим познаниям, не говоря уже о совершенствовании немецкого языка, пока ты будешь решать, что делать в будущем. Я напишу об этом твоим родителям, если ты думаешь, что они согласятся».

И вот осенью, одетый в новый твидовый костюм, с приглаженными волосами, спускавшимся из-под кепки, Артур взвалил на плечо свой сундук и отправился в мир. Дома плакали, а сам он переносил почти все с достоинством, пока его не охватил избыток чувств от связанного с этой поездкой возбуждения.

Городок Фельдкирх лежал в зеленой долине, которую пересекала речка Илль, среди покрытых облаками гор. Там, на высоте шести тысяч футов, находился перевал Арльберга, ключевой путь с запада к Тиролю. Средневековая крепость нависала над городом и грандиозной Иезуитской школой. Артур обнаружил, что дисциплина здесь была гораздо менее строгой, нежели в Стоунхерсте, общежития «искусственно» отапливались, кормили хорошо, а пиво оказалось отличным. Студенты в большинстве были ребятами из немецких католических семей и человек двадцать англичан и ирландцев. Артур взял на себя заботу обо всех. Немецкий язык его становился все более беглым, но несколько неустойчивым. Когда ребята ходили на организованные прогулки, по трое в ряд, английского мальчика сопровождали два немецких, чтобы они могли говорить по-немецки, и он старался изо всех сил. По три часа подряд говорил этим немцам о непобедимой мощи английского флота, рассказывал о славных традициях Стоунхерста; в этих развлекательных рассказах он с особой гордостью расписывал, как капитан Уэбб (англичанин!) переплывал Ла-Манш.

Самое замечательное было в том, что Артур начал играть в городском оркестре: инструментом он избрал самую большую трубу, которая только могла существовать; она напоминала орудие осадной артиллерии и дважды обвивала его тело; если в нее как следует дуть, она гудела и ухала так, будто приближался Судный день.

«У меня на голове шапка нашего военного оркестра, – с гордостью сообщал он, описывая посланную домой фотографию. – На мне также тот самый галстук (предмет давних мечтаний), который ты купила мне на Кокберн-стрит». О трубе-бомбардоне он писал: «Дуть в нее – прекрасное упражнение для грудной клетки». Реакция тех, кто слышал, как он играл, неизвестна.

Поскольку у него не было ни денег, ни времени, чтобы остановиться в Париже и повидать дедушку Майкла Конана, он послал ему целую пачку своих стихов, написанных в Стоунхерсте. Поджав губы, старый критик выучил их наизусть от слова до слова. Когда наступило Рождество и австрийские горы за метелями стали казаться облаками, дедушка Конан написал Чарльзу и Мэри Дойл письмо, в котором поделился впечатлениями об этих стихах.

«Не могут вызывать сомнения его способности к такого рода занятиям, – подчеркивал дедушка Конан. – В каждом из его самых вдохновенных творений я обнаружил пассажи, отличающиеся подлинно оригинальной свежестью и тонкостью воображения. Его «Газета Фельдкирха» порождает большие надежды, и я думаю, она его от начала до конца».

Это предположение было верно. Но «Газета Фельдкирха» и такие лирические стихи, как «Взбешенный извозчик» и «Прощание Фигаро», были лишь забавами школьника. Дома уже решили, что, когда Артур закончит Фельдкирх, ему следует поступать в Эдинбургский университет и изучать медицину.

Эту настоятельную идею высказала его мать; Эдинбургский университет располагал одной из лучших медицинских школ в мире, и, наконец, он будет дома. Подсказал ей эту мысль

друг семьи, доктор Брайан Чарльз Уоллер – человек образованный и добрый, агностик в религиозных взглядах, – который начал проявлять к мальчику большой интерес и потом на протяжении нескольких лет оказывал сильное влияние на его жизнь.

Самому Артуру, казалось, было все равно, будет так или как-то по-другому. Значит, будет продолжаться изучение науки (почему они не могут сделать науку такой же интересной, как делал Жюль Верн?), а научные лекции господина Лиркома в Стоунхерсте были бедствием. Но этого хотела его мать, а значит, так и будет. Кроме того, медицина могла быть интересной. Как было бы благородно однажды торжественной поступью, импозантно и аристократично войти в комнату к больному, с наклоненной головой выяснить симптомы, а потом немногословно объявить диагноз, который вызовет у окружающих чувства удивления и благодарности.

Он работал по-настоящему напряженно, с перерывами на катание на коньках и санях. Доктор Уоллер прислал ему аннотированные книги по химии и ужасный учебник Роско с его параболами и эллипсами. Романтика закончилась, теперь она будет связываться только с практическими знаниями.

А наверху, именно на Арльбергском перевале, орлы молодого Наполеона потерпели поражение, когда Массена и Удино были отброшены австрийцами. Артур начал читать историю наполеоновских войн и рассказывал домашним о прочитанном. Его мать, опасаясь, что эти толстолобые немцы (он разделял ее мнение о них) испортят его французский язык, строго наказала ему каждое письмо писать ей по-французски. Неудивительно, что это его смутило. В его голове путалась французская грамматика, когда он писал ей эссе с пышным началом:

«Говорят, Александр Великий сказал Диогену: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». Мне тоже кажется, что, если бы я не был англичанином, я бы хотел быть тирольским горцем». И внезапно прервался: «Продолжение последует».

Одна из полученных им книг, не относившаяся к процессу самосовершенствования, помешала бы занятиям любого менее упорного человека. Эта книга не только произвела на Артура впечатление, она наэлектризовала его. В последующие годы он признавал, что ни один автор, за исключением Маколея и Скотта, не оказывал такого влияния на формирование его литературных вкусов. Автором этим был Эдгар Аллан По, а первой повестью, которая попала в Артуру, – «Золотой жук».

«Добрый стакан в обители епископа в логове дьявола – сорок один градус и четырнадцать минут северо-запада – севера – главное направление седьмое орудие с восточной стороны – стреляй из левого глаза черепа...»

Или в комнате, таинственно освещенной лучами ароматных восковых свечей, вспыхивает еще один рассказ с еще более потрясающим эффектом: «Дюпин! – произнес я без малейшего волнения. – Это совершенно необычный волос – это не человеческий волос».

Тем временем в обыденной атмосфере Фельдкирхе и среди тех, кого Артур называл аборигенами, произошла перемена: наступившее в 1876 году тепло заставило всех прекратить кататься на коньках. Весна тянулась такими бесконечными дождями, что он указал своим немецким друзьям на преимущества английского климата. Потом вдруг наступило знойное лето, в долине заквакали лягушки. Выполняя одну из форм физических упражнений, положив на плечи альпенштоки и распевая немецкие песни, они за четырнадцать часов совершили поход на сорок две мили. Артур нередко жаловался только на одно: «Доверенное лицо не выдаст никаких денег никому и ни при каких обстоятельствах». Дело становилось все более серьезным.

Артур должен был уехать из Фельдкирха в конце июня. По приезду в Эдинбург он надеялся получить шотландскую стипендию: он гордо верил в то, что, по крайней мере, сможет отличиться в химии. По одному из планов экономии средств, разработанному господами Кук, он подсчитал, что на скромную сумму всего в пять фунтов стерлингов сможет совершить довольно сложную поездку по Европе и навестить дедушку Майкла Конана в Париже.

Таким образом и прибыл в Париж с книгой о конических сечениях в руках, Эдгаром Алланом По в голове и двумя пенсами в кармане. Пройдя в жаркий день по пыльной дороге, он застал дедушку Конана сидевшим без пиджака в садике позади своего дома номер 65 по авеню Ваграм. Он знал, что встретил друга. Широколицый дедушка Конан, с подстриженной седой бородой и надменным взглядом прищуренных глаз, с агрессивно завивающимися над ушами волосами, напоминал одного из своих предков: ирландского наследственного главу клана, происходившего от герцогов Конанов из Бретани.

Как и Мэри Фоли, он заставил мальчика вновь засиять семейной гордостью. Не менее важным было то, что он мог сочувствовать. Для него слова были фейерверком; он мог понять приверженность племянника этим двум трудно сопоставимым его наставникам – Маколею и По. Стуча кулаком по столу, он воздал должное заслугам каждого: он ругал старомодного Вига, который, как он сказал, был чертовски не прав по слишком многим деталям фактов, а американцу при всем его высочайшем искусстве, ей-богу, нельзя было доверять, если он не находился на расстоянии нескольких миль от бутылки бренди.

С дедушкой Конаном и его маленькой женой бабушкой Сюзан Артур провел несколько прекрасных недель. Пройденная подготовка, инстинкт, происхождение – все это привязало его к Франции, все здесь было полно очарования. Много времени они проводили в саду; при его тучном объеме дедушка Конан плохо ходил, и ему должна была помогать бабушка Сюзан. Однажды в саду, ближе к вечеру за несколько дней до его отъезда домой, дедушка Конан угрюмо заговорил о семейных делах.

«Вот эта твоя медицинская карьера. – Его лохматые брови сошлись на переносице. – Пять лет или хотя бы четыре. Не будет ли это определенным бременем для отца с матерью?»

«Да, сэр. Но если я заслужу стипендию, то, как мне говорят, оплачу свои расходы надолго вперед. А потом, видите ли (по крайней мере, так объяснял доктор Уоллер), можно будет наняться помощником к настоящему доктору и таким образом немного подрабатывать, пока учишься».

«Ты хочешь быть доктором?»

«Простите, сэр?»

«Я говорю: ты хочешь быть доктором?»

Конечно, он в какой-то мере хотел. По крайней мере, не было ничего другого, что бы он хотел делать или считал себя способным к этому. Он будет упорно работать, дай Бог помощи! Сейчас в Париже, где сквозь листву каштановых деревьев светили уличные фонари, его чувства любви перенеслись к более суровому городу: к его сероглазой и близорукой матери, к сестрам, к трехлетнему брату, к отцу, чья высокая сутулая тень вырисовывалась на заднем плане. Хотя он еще не осознавал этого, то был конец его детства.

Да, думал он, хорошо, что буду изучать медицину.

Глава 3

Неприятные приключения

Молодой доктор Конан Дойл, проживавший по адресу: дом номер 1, Буш-Виллас, Элм-Гроув, Саутси, под покровом темноты прокрался к медной дощечке, прикрепленной на ограде его дома, чтобы отполировать ее.

Соседи ни в коем случае не должны знать, что он не может позволить себе нанять прислугу, особенно в таком фешенебельном пригороде Портсмута. Дом, которым он так гордился, был построен из неброского красного кирпича, состоял из трех тесных этажей и находился на оживленной улице недалеко от пересечения Элм-Гроув с Лардж-роуд, Кингс-роуд и Парк-стрит. После полуночи, однако, никто не должен был увидеть, как он чистит дощечку.

Если не считать драки с чернорабочим в первый же день пребывания в Портсмуте (этот парень не по-рыцарски толкнул его жену и позднее стал пациентом), профессиональное поведение доктора Конан Дойла было безупречным.

В ту сентябрьскую ночь 1882 года любой прохожий увидел бы человека ростом шесть футов и два дюйма, одетого в сюртук и казавшегося при этом еще выше из-за его огромной ширины, при тренировочном весе пятнадцать стон¹ и ни капли жира. Над накрахмаленным воротничком и затянутым галстуком неясно вырисовывалось большое молоджавое, серьезное лицо: зачесанные надо лбом волосы с пробором, длинные бакенбарды и только небольшая полоска усов.

Много событий произошло с осени 1876 года, когда застенчивый паренек поступил в Эдинбургский университет и досужими вечерами приводил в оцепенение свою семью, читая вслух рассказы По. Он добился стипендии. Но из-за канцелярской ошибки эти деньги получил кто-то еще. Артур решил, что, поскольку он уже получил знания в медицине в объеме двух лет, программу каждого года он будет проходить за полгода. Тогда в освободившееся время он сможет подрабатывать помощником врача несколько лишних фунтов, чтобы помогать содержать семью.

В Эдинбургском университете было немного из того, что обычно называют студенческой жизнью. Жили во временно снимаемых комнатах или, как Артур, дома. Платили за учебу, чтобы по выбору слушать лекции великих преподавателей. Никаких других контактов между профессорами и студентами не было. Во время каникул на острове Арран в 1877 году Артур с удивлением встретил там такую персону, как доктор Джозеф Белл. Артуру казалось невероятным, чтобы такой аскетический человек науки находился на отдыхе, и поэтому юноша удивлялся, что же доктор там делал. Парад профессоров, в большинстве случаев с характерными чертами оригинальности, что составляет радость в студенческой жизни, всегда оставлял свой отпечаток на унылых занятиях в классах. Был, например, сэр Чарльз Уайвилл Томсон, зоолог, который на деревянном корвете «Корабль ее величества Челленджер» обошел все моря в поисках новых форм жизни животных. Или профессор Разерфорд с его черной ассирийской бородой и раскатистым голосом; этот голос эхом разносился по коридорам, когда профессор Разерфорд начинал свою лекцию, еще не успев войти в аудиторию. Лучше всех, пожалуй, Артур запомнил все того же Джозефа Белла, о котором так много слышал весь мир, поскольку он был человеком необычайной личной доброты.

Ему едва исполнилось сорок с небольшим, и это была добрая душа, что едва ли соответствовало ходившей легенде о его суровости. Он обладал сдержанным чувством юмора, кото-

¹ Пятнадцать стон – 210 фунтов. (Примеч. перев.)

рым подкреплял свою силу убеждения, доводя до сознания студентов то, что они должны использовать глаза, уши, руки и мозги при постановке диагноза.

Очень худой, с проворными руками и копной темных волос, стоявших на голове, подобно щетине на щетке, он восседал за своим столом в большой, с голыми стенами комнате в окружении ассистентов и студентов. В обязанности Артура входило объявлять темы одну за другой.

«Этот человек, – заявлял доктор Белл с сильным шотландским акцентом, – сапожник-левша. – Он выдерживал паузу, с тщательно скрытым ликованием наблюдая за озадаченными взглядами студентов. – Заметьте, джентльмены, изношенные места с эзломами там, где у сапожника находится выколотка. Правая сторона, как вы видите, на-амного болше изношена, чем левая. Он пользуется левой рукой для отбивки кожи».

Или, сжав пальцы, произносил: «Этот человек – французский чистильщик обуви». Потом, округлив глаза, выкрикивал: «Ну же! Неужели вы не чувствуете его з-запаха?»

Сухость тона, взгляд в самые глаза и наклон вперед вызывают сконфуженные улыбки студентов. Доктор Белл, которого все называли Джо, жил на Мелвилл-Крессент в доме с прекрасной резной лестницей, который сохранился и по сей день. Он тогда не думал о силе дедуктивных умозаключений в применении к преступлениям, хотя мы знаем, что примерно пятнадцать лет спустя и предпринял попытку разрешить тайну Ардламонта. Он был хирургом и отслеживал болезни.

«Натренированный глаз, и все просто», – говорил он.

Не таким простым, однако, было состояние обеспокоенного ума Артура, когда юноша грыз гранит науки. Если он не работал, то всегда читал: книги, которые давал ему доктор Уоллер, библиотечные книги, томики из дешевых магазинов. Когда приходилось выбирать между едой и книгой, часто это была книга. Среди шумных студентов, которые, как взрослые циники, издали выразили знаки поклонения профессору Хаксли, раздавался смех над его предметом – старой теологией.

Такой смех стоял и по всей Британии. Артур чувствовал его в пропитанной запахом спирта прозекторской, где к человеческому телу относились отнюдь не как в храме. Попыхивая трубкой с янтарным мундштуком, которую он купил в Стоунхерсте, он оглядывался назад, на Стоунхерст, и видел много такого, что сейчас казалось не только просто тревожным (как казалось и тогда), но откровенно нелепым. Это касалось не только Католической церкви, но и всех религий вообще.

Доктор Уоллер, друг семьи и горячий агностик, поддержал нащупанные парнем мысли, так что он мог это оценить. Доктор суммировал их в письме, процитировав высказывания Эмерсона о необходимости полагаться на самого себя.

«Здесь, – писал он, – мы коснемся слабости слепой искупительной веры в гипотетическое Провидение, которое поистине должно помогать тем, кто не может помочь себе сам. Намного более верным и благородным является смысл старой поговорки: небеса помогают тому, кто сам себе помогает. Такой мужественный душевный подход теология готова убить, заставив нас считать себя низкими, грешными и деградированными, что является вредной ложью и подрезает корни всего лучшего в нашей сущности, ибо отними у человека уважение к себе, и сделаешь много для того, чтобы превратить его в труса и негодяя».

Попав в точку, что так импонировало его молодому другу, он продолжал: «Делать – это намного более прекрасное слово, чем верить. Действие – гораздо более надежный лозунг, нежели вера».

Действие! Вот оно что! В начале лета 1878 года Артур старался во время каникул помочь семье, работая в одном из бедных кварталов Шеффилда фармацевтом и помощником доктора. Даже если бы он поначалу ничего не заработал, он, по крайней мере, мог бы облегчить беспокойство матери по поводу его собственного пропитания и содержания.

Результаты были не блестящими. Он был настолько неопытен, пожалуй, настолько напоминал полуукрошенного медведя в аптеке, что по прошествии трех недель он и доктор Ричардсон решили расстаться. Хотя впоследствии эта первая попытка забавляла его, в то время он относился к ней совсем по-другому.

«Эти шеффилдцы, – с жаром писал он, – предпочтут быть отравлены человеком с бородой, чем спасены тем, у кого ее нет».

Три недели – и еще несколько месяцев до начала осеннего семестра в Эдинбурге! Поспешив в Лондон, он предложил свои услуги медицинским газетам. Тетя Джейн, дядя Генри и дядя Джеймс приняли его у себя в доме на Клифтон-Гарденс, хотя теперь он казался до беспокойства отчужденным и богемным. Ожидая ответа на свое объявление, по утрам он занимался, а потом бродил по улицам. По вечерам газовые фонари освещали менее академические сцены.

«Они изобрели зверскую игрушку под названием «Торпеда леди Тизер», – сообщал он. – Это свинцовый пузырек наподобие тюбика художника для жидких красок. Если нажать, вылетает струя воды, и огромное удовольствие отправиться вечером по улицам и поливать этой струей лица всех, кто попадется, – и мужчин, и женщин. Все вооружены этими штуками, и никто от них не бежит. Я видел прибывающих на приемы и выходящих из экипажей дам, которых облили, а они получили от этого видимое удовольствие».

Популярность этих водяных пушек, помимо любопытного света, который они проливают на викторианские шутки, указывает на поистине примечательную сдержанность упомянутых дам.

У Артура не было настроения для таких причуд. Неделя проходила за неделей без ответа на его объявление, и он впал в отчаяние и решил поступить на военно-морской флот в качестве врача. Он расписал всем своим тетушкам и дядюшкам преимущества такого шага, когда некий доктор Эллиот из деревни под названием Райтон, в Шропшире, написал, что готов принять его услуги.

В Райтоне у него получалось неплохо, с одним опасным случаем он справился сам, а в ходе рутинной работы набирался уверенности в себе. Единственное, что раздражало его, довольно наивно признавался он, – это вспыльчивый нрав самого доктора Эллиота. «Хотя внешне он выглядел джентльменом», у доктора Эллиота в голове не было ни единой оригинальной идеи, и он мог вспылить даже в ответ на самое обычное замечание.

«Я думаю, доктор Эллиот, было бы неплохо отменить смертную казнь».

«Сэр, – побагровев, отвечал доктор Эллиот, – я не хочу, чтобы в моем доме говорили такие вещи! Вы понимаете, сэр?»

«Сэр, – моментально парировал его помощник, даже не позаботившись выяснить, в чем заключалось неприличие его высказывания, – я буду выражать свое мнение, когда и где захочу».

В конце октября Артур вернулся к своим занятиям. Он не мог ожидать никакого вознаграждения от доктора Эллиота, поскольку это не было заранее оговорено. Тем не менее, после четырех месяцев работы, он втайне надеялся на какой-то хотя бы слабый жест. Ничего не предвиделось. Набравшись смелости, он поинтересовался, не может ли он рассчитывать хотя бы на железнодорожный билет домой.

«Мой дорогой друг, – ответил этот бизнесмен, – закон гласит так. Если помощник получает оклад, тогда он становится признанным лицом и может претендовать на компенсацию издержек. Если же, как в нашем случае, он не получает оклада, он становится джентльменом, путешествующим ради собственного совершенствования; и он ничего не получает».

Итак, Артур отправился домой на зимнюю учебу, готовый поклясться в том, что помощник врача – это самый плохо используемый, тяжело работающий и неоплачиваемый человек на свете. В Эдинбурге, по крайней мере, он мог заняться спортом. Для такого крепко сложенного юноши он был скор на ногу, как кошка. Путем небольших тренировок его превращали в стре-

нительно нападающего в регби и в первоклассного боксера. Бокс был видом спорта, который нравился ему больше всего; здесь и во время игр в регби он подружился со студентом по имени Бадд – наполовину гением, наполовину чудаком, – чьи дикие шутки развлекали его, наверно, не меньше, чем увлекала игра.

Но обстановка дома была сейчас поистине отчаянной. Здоровье отца надламывалось. Чарльз Дойл, болезненный и выглядевший старым, хотя был он всего лишь в среднем возрасте, дважды вынужден был проводить по неделе в постели. В Управлении работ зловеще поднимали брови по поводу его отсутствия после всего тридцати лет службы.

Тревогу Артура вызывала Мадам. (Как только он встал на ноги, он никогда потом не называл ее «мать», «мама» или как-нибудь еще, кроме как Мадам – обращение, которое эта полнеющая леди воспринимала серьезно, как почетный знак.) Впервые в жизни Мадам испугалась. Когда летом следующего года Артуру предложили настоящую работу помощником – за два фунта в месяц, – он с радостью согласился.

И здесь он имел удовольствие встретить доктора Реджинальда Рэтклиффа Хоара, жившего в Бирмингеме в Клифтон-Хаус на улице Астон-роуд. Хотя жил он в скромном кирпичном доме на улице, по которой мучительно дребезжали конки, он имел большую практику среди бедных людей, а размер гонораров поразил его нового помощника. Доктор Хоар заставлял напряженно работать с девяти утра до девяти вечера. Но он был настолько дружелюбен, что заставлял это сделать так, что работа нравилась. Госпожа Хоар тоже была небольшого роста благожелательной леди, которая любила по вечерам покурить сигару, пока доктор Хоар и Артур смолили свои трубки.

Но два фунта в месяц давали не слишком много.

Его терзали и другие сомнения. Что в будущем, если он получит степень в медицине? Он не совсем осознавал смысл религиозных убеждений, которых придерживался. Этот смысл, с нынешней точки зрения, был ужасным.

На протяжении веков его семья была не просто католиками, а католиками страшно благочестивыми. Дядя Дик, казалось бы человек покладистый, сразу же отказался от своей работы, за которую платили восемьсот фунтов стерлингов в год, после того как журнал «Панч» выставил на посмешище Папу Римского. Артур мог представить себе тетюшку Аннетт, полную достоинства в своей шали на Кембридж-Террас, дядю Джеймса и дядю Генри. Они не раз настоятельно намекали ему на то, что, когда он начнет собственную практику (в Лондоне, конечно), влияния католиков не будет недоставать, чтобы приобрести пациентов. В Боге, в смысле некоей контролирующей силы, он никогда не сомневался. Все эти извечные споры, глупости, перерезания глоток из-за «церкви». Как будто церковь стоила медного гроша! Если бы он честно верил в эти вещи, он рассказал бы обо всем родственникам.

Однажды в Бирмингеме он пребывал в состоянии растерянности, приготовив почти шестьдесят пробирок снадобья, когда в амбулаторию вошел герр Глейвитц и отозвал его в сторону. Герр Глейвитц, ученый с европейской известностью в области арабистики и санскрита, был вынужден вместо этого давать уроки немецкого языка, чтобы прокормить детей. Госпожа Хоар была его единственной ученицей. Сейчас по его лицу текли слезы. Ему наступает конец, сказал он; семья голодает; не мог бы господин Конан Дойл помочь ему деньгами?

У господина Конан Дойла в кармане было ровно шиллинг и шесть пенсов. Но Глейвитц плакал; человек действительно нуждался в помощи. Ну что ж!

«Слушайте, – выпалил помощник, вытаскивая часы с цепочкой. – Слушайте, я сделаю что могу. Возьмите эти часы и цепочку и заложите их».

«Заложить?»

«Отдайте в залог! Это хорошие часы. Нет-нет, не спорьте!»

Смущенный протестами немца, он вновь принялся готовить микстуры, наполовину сожалея о своем внезапном порыве, но вполне убежденный в том, что единственно так мог поступить любой порядочный человек.

Подавленное состояние сменилось душевным подъемом. Весной, чтобы проверить свои силы, он написал рассказ «Тайна долины Сэсасса». Он был основан на религиозных предрассудках кафиров в отношении демона с горящими глазами: глазами, которые, если в них смотрел герой, оказывались бриллиантами в каменной соли. Сейчас в Бирмингеме поступило известие, что рассказ «Тайна долины Сэсасса» принят журналом «Чеймберс джорнал», который предлагал заплатить за него три гиней. Когда позднее в том же 1879 году он прочитал его в октябрьском номере «Чеймберса», он мог выразить лишь глубокое сожаление. Они выбросили оттуда всю его «чертовщину».

Тем временем, изумленный и воодушевленный, он с ходу написал еще несколько рассказов. Один из них, первоначально озаглавленный «Призрак мызы Горесторп», показал, что его ум был поглощен одновременно комедией и ужасами, и он наслаждался и тем и другим. Все эти вещи, за исключением «Американского рассказа», были возвращены с редакторскими сожалениями, в стиле которых сильно чувствовалось влияние Брета Гарта. Но в том, что он называл литературой, как ему казалось, он обнаружил хотя и небольшую, но очень полезную побочную работу.

«Я начинаю все больше подумывать о том, чтобы стать врачом на военно-морском флоте, – написал он Мадам. – Я всегда говорил, что буду точно знать, что делаю, прежде чем примусь за что-либо».

Это, как и любые коммерческие дела, было как раз тем, чем он никогда не занимался. В следующей строчке он уже выражал страстное желание стать корабельным врачом на лайнере, плавающем в Южную Америку. Он испытывал нетерпение, стремление моментально вырваться из этой медицинской бутылки, заточенным в которую себя чувствовал. Поэтому показалось чудом, когда в самом начале следующего года друг по имени Клод Огастус Кэрри предложил ему место, которое сам Кэрри не мог занять. Как он смотрит на то, чтобы в качестве номинального врача отправиться в семимесячный поход в Арктику для охоты на тюленей и китов? Оплата, включая оклад и стоимость животного жира, должна составить 50 фунтов стерлингов.

Пятьдесят фунтов! Пятьдесят фунтов стерлингов для Мадам! И столько просто за то, что он это сделает?

Когда китобойный пароход «Надежда» водоизмещением 600 тонн вышел в конце февраля 1880 года из Питерхеда, на его борту находился Артур. В первый же вечер он подрался со стюардом и завоевал всеобщее уважение за то, что поставил тому синяк под глазом. Через четыре дня после того, как они миновали Шетландские острова, он услышал, как о борт «Надежды» ломается лед; через сотню миль от берегов Гренландии они увидели скопление тюленей. Тогда, после дня охоты в торосах на тюленей, он сочинил одно по-юношески жестокое описание самого себя – которое, возможно, вызовет ужас у Мадам, – он изобразил себя скалящим зубы гигантом, покрытым снегом и кровью, с намотанной на плече веревкой, с окровавленными ножом и резак. Каждое дыхание веселило его.

«Раньше я никогда не знал, что такое быть совершенно здоровым, – писал он. – Я чувствую себя так, как будто могу отправиться куда угодно и делать все, что угодно».

К северу от Шпицбергена, в бесконечном и неестественном свете дня, кораблик вел поиск китов. Гребя веслом вельбота, Артур слышал гул гарпунной пушки и свист разматывающегося каната, который мог сбить любого, кто находился на борту; он почувствовал опасность, и это его позабавило. Путешествие показалось едва ли достаточно продолжительным. В начале сентября, получив золотом свои пятьдесят фунтов, чтобы осыпать ими Мадам, он, с полностью развитым телосложением, вернулся в Эдинбург.

В 1881 году он получил свой медицинский диплом, хотя не без страхов перед экзаменами, долгой зубрежки и еще одного срока работы помощником доктора Хоара. Все осложнялось его всегда сильной, но пока контролируемой склонностью влюбляться в каждую встреченную им девушку.

Уточним, что он был влюблен сразу в пятерых. У него были честные намерения, отмечал он («И надо думать», – сердилась Мадам), но жениться сразу на пятерых было нереально, что оставляло его «в жалком состоянии и совершенно деморализованным». Например, мисс Джефферс, «маленькая милашка с пронзительным взглядом», как он, возможно, не слишком поэтично говорил, «всколыхнула мою душу до самой глубины». Все эти восторги Мадам сдержанно воспринимала так, как есть, а именно как увлечение впечатлительного молодого человека, навещавшего в золотом месяце июле родственников в Лизморе. Но в отношении одной молодой леди Мадам шестым чувством испытывала самые мрачные подозрения.

«Боже милостивый! – восклицал он. – Такая красавица! Мисс Элмор Велден. Мы всю ухаживаемся уже неделю; дело созрело».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.